

ЖЮЛЬ ВЕРН

*ЖАНГАДА
800 ЛЬЕ ПО АМАЗОНКЕ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44
В35

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с французского *Е. Шишмаревой*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Верн, Жюль.

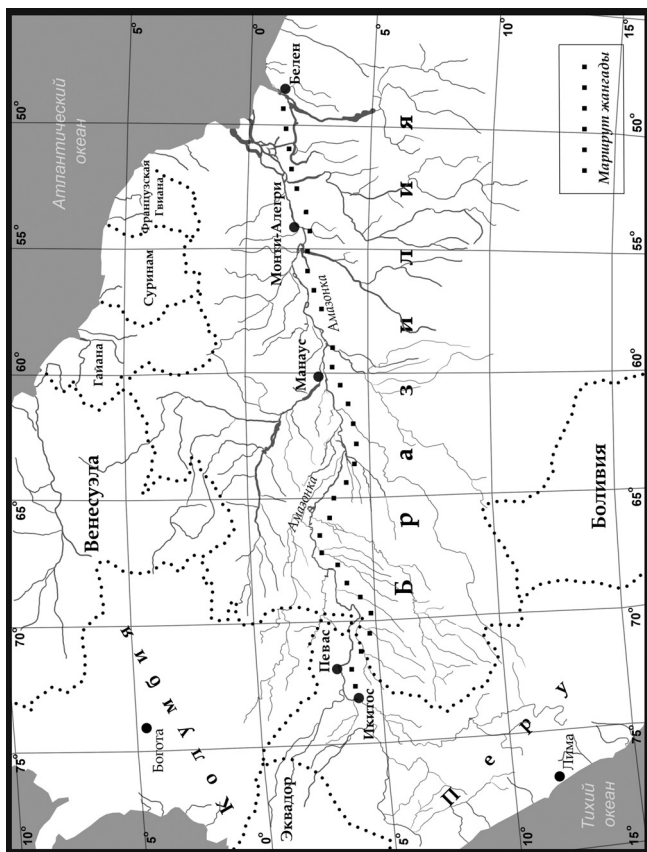
В35 Жангада. 800 лье по Амазонке : [роман] / Жюль Верн ; [перевод с французского Е. Шишмаревой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-187897-9

Дочь богатого плантатора Жоама Гарраля, живущего неподалеку от перуанско-бразильской границы, готовится выйти замуж. Чтобы добраться до места свадьбы в далеком бразильском Белене, Жоам строит жангаду — большой плот, которому предстоит преодолеть восемьсот лье по Амазонке. Однако родные и не подозревают, чем грозит Жоаму возвращение в Бразилию — двадцать лет назад его ложно обвинили в краже крупной партии алмазов, и обвинение никуда не делось. Гарраль полон решимости очистить свое имя, но для этого может понадобиться разгадать крайне сложный шифр, скрывающий имя истинного преступника.

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44

© Перевод. Е. Шишмаревой, наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Карта путешествия Жоама Гарраля
с семьей и друзьями

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I ЛЕСНОЙ СТРАЖНИК

СТУЧПВЭЛЛЗИРТЕПНДНФГИНБОРГЙУГЛЧДКОТХЖ
ГУУМЗДХРЪСГСЮДТПЪАРВЙГГИЩВЧЭЕЦСТУЖВСЕВ
ХАХЯФБЪБЕТФЗСЭФТХЖЗБЗЪГФВЩИХХРИПЖТЗВТ
ЖЙТГОЙБНТФЕОИХТТЕГИИОКЗПТФЛЕУГСФИПТЬ
МОФОКСХМГВТЖФЫГУЧОЮНФНШЭГЭЛЛШРУДЕНКО
ЛГГНСВКССЕУПНФЦЕЕЕГГСЖНОЕЫИОНРСИТКЦЪЕД
БУВТЕТЛОТБФЦСВЮЙПМПЗТЖПТУФКДГ

На плотном, слегка пожелтевшем листе бумаги насчитывалось около сотни таких строк. Человек, державший его в руках, еще раз перечитал написанное и глубоко задумался.

В Бразилии середины XIX столетия еще действовали отряды лесных стражников — так называли агентов полиции, разыскивавших беглых негров. Эту должность установили в 1722 году, а в 1852 году, к началу действия нашей повести, негры уже имели право на выкуп, а их дети рождались свободными. Но рабство еще сохранялось, а следовательно, и нужда в стражниках. И раньше этим промыслом занимались по большей части

разные отщепенцы и авантюристы из вольноотпущенников. Теперь же, когда вознаграждение за поимку чернокожего заметно снизилось, малопочтенная лесная полиция и вовсе формировалась из последних отбросов общества. В одном из таких отрядов состоял обладатель тайнописи.

Торрес — так его звали — не принадлежал ни к мулатам, ни к метисам¹, ни к бродягам без роду без племени, как большинство его сотоварищей. Он был белым, родившимся в Бразилии, и даже получил кое-какое образование, чего, впрочем, не требовало его презренное ремесло.

Лет тридцати, среднего росту, крепкого сложения, с резкими чертами обожженного тропическим солнцем лица, с бородой — таков в общих чертах портрет Торреса. Глубоко сидящие под сросшимися бровями глаза бросали быстрые и холодные взгляды, выдававшие, казалось, врожденную злость.

Как и у всех его собратьев, одежда Торреса выглядела неказисто: широкополая кожаная шляпа, грубошерстные штаны, заправленные в высокие сапоги, на плечах порыжелое от непогоды пончо², скрывавшее плачевное состояние куртки и жилета.

Сейчас на нем не было ни ружья, ни пистолета, только за поясом «маншетта» да длинный

¹ Метис (*фр.* metis) — потомок от брака между представителями разных рас.

² Пончо — плащ из прямоугольного куска ткани с отверстием посередине для головы; шитая или вязаная накидка такого фасона.

охотничий нож, похожий на саблю. Еще у Торреса имелась «эншада» — нечто вроде мотыги, обычно употребляемой для ловли броненосцев¹ и агути², которые во множестве водятся в лесистых верховьях Амазонки³ (где крупных хищников почти не встречается).

В тот день — 4 мая 1852 года — бородач был поглощен чтением необычного документа. Ничто не могло отвлечь Торреса от его занятия: ни громкие вопли обезьян-ревунов, которые Сент-Илер⁴ удачно сравнивал с гулкими ударами топора дровосека по ветвям деревьев; ни сухое потрескивание колец гремучей змеи, редко, правда, нападающей на человека, но чрезвычайно ядовитой; ни пронзительный крик рогатой жабы, по своему уродству занимающей первое место в классе земноводных; ни даже громкое басовитое кваканье древесной лягушки, которая хоть и неспособна тягаться с волом величиной, зато может сравниться с ним силой голоса.

Торрес не слышал разноголосого гомона обитателей лесов Нового Света. Он сидел под могучим железным деревом с темной корой. Индейцы ис-

¹ Броненосцы — семейство млекопитающих: на теле — костный панцирь из подвижно связанных щитков. Спасаясь от преследования, могут быстро зарываться в землю.

² Агути — род грызунов, вредители плантаций сахарного тростника.

³ Амазонка — река в Южной Америке, величайшая в мире по водоносности, размерам бассейна, длине речной системы.

⁴ Сент-Илер Этьенн Жоффюа (1772—1844) — французский естествоиспытатель.

пользуют его для изготовления оружия и орудий труда. Занятый своими мыслями, лесной стражник сосредоточенно рассматривал зашифрованный документ, и лицо его кривилось в злобной усмешке.

Не удержавшись, Торрес пробормотал вполголоса несколько слов, которые здесь, в диком уголке девственного леса, все равно никто не мог бы подслушать, а услышав, не мог бы понять.

— Да, — сказал он, — всего какая-нибудь сотня четко выписанных строк, а между тем я знаю человека, для которого в них заключен вопрос жизни и смерти! А за жизнь платят дорого!

Он кинул на бумагу алчный взгляд.

— Если взять всего лишь по рейсу¹ за каждое слово одной только последней фразы, и то уже получится кругленькая сумма! Эта запись дорогого стоит — в ней подлинны имена участников.

Торрес замолчал и принялся считать в уме.

— Здесь пятьдесят четыре слова! — воскликнул он. — По рейсу за слово — составит пятьдесят четыре рейса. С такими деньгами можно жить припеваючи и ничего не делать — хоть в Бразилии, хоть в Америке. А если потребовать столько же за каждое слово документа! Тогда я считал бы рейсы сотнями! Тысяча чертей! У меня в руках целое состояние, и я буду последним дураком, если упущу его!

Казалось, руки Торреса уже ощупывают сказочное богатство, а пальцы погружаются в груды золотых монет.

¹ Рейс (*порт. reis*) — старинная бразильская медная монета.

Тут мысли его вдруг приняли иное направление.

— Наконец-то я близок к цели! — вскричал он. — И ничуть не жалею о трудностях долгого пути от берегов Атлантического океана до верховьев Амазонки! Ведь могло статься, что нужный мне человек уехал бы из Америки и поселился за тридевять земель отсюда. Как бы я тогда до него добрался? Но нет! Он здесь: стоит мне влезть на вершину высокого дерева, и я увижу крышу дома, где он живет со всей своей семьей!

Снова схватив листок в руки и возбужденно размахивая им, бразилец продолжал:

— Сегодня же вечером буду у него! Сегодня же он узнает, что его честь и жизнь заключены в этих строчках! А когда захочет получить шифр, чтобы их прочитать, — ну что ж, тогда пускай раскошелится! Если потребую, отдаст за него все состояние, как отдал бы свою кровь. Тысяча чертей! Товарищ, доверивший мне сию бумажку и раскрывший ее тайну, не подозревал, что сделает меня богачом!

Торрес в последний раз взглянул на пожелтевший листок и, бережно сложив, спрятал в медную коробку, служившую ему кошельком.

Все его состояние умещалось в коробочке величиной с портсигар. Он хранил в ней монеты всех граничащих с Бразилией стран: два двойных кондора из Соединенных Штатов Колумбии, каждый стоимостью примерно по сто франков; венесуэльские боливары франков на сто; перуанские соли на такую же сумму; несколько чилийских эскудо, самое большее на пятьдесят франков,

и еще кое-какую мелочь. Все вместе они составляли не более пятисот франков.

Несколько месяцев назад Торрес неожиданно оставил должность лесного стражника, поднялся вверх по бассейну Амазонки и, перейдя границу Бразилии, вышел на территорию Перу.

Путешественнику не требовалось много денег на путевые расходы. Он ничего не платил ни за жилье, ни за одежду; пищей его снабжал лес. Ему хватало нескольких рейсов на табак, который он покупал в миссиях¹ или в деревушках, попадавшихся по дороге, и на то, чтобы наполнить горячительным дорожную фляжку. Таким образом он покрыл большое расстояние, почти ничего не тратя.

Торрес положил коробку в небольшое углубление под корнем. Обычно он держал ее в кармане куртки, но сейчас решил спрятать понадежнее.

Стоял палящий зной. Тяжелый воздух будто застыл в полной неподвижности. Если бы на церковной колокольне в ближайшей деревне имелись часы, они пробили бы два пополудни, и даже слабый ветерок донес бы их бой до Торреса, который находился всего в двух милях от нее. Но бродяге незачем рассчитывать свои действия с особой точностью. Он завтракает и обедает, когда захочется или когда получится, а засыпает, как только его сморит сон. Если для него не всегда накрыт стол, то постель под тенистым деревом готова в любое время.

¹ Миссия — *здесь*: поселение, где есть церковь и священник.

Бразилец все утро шагал по лесу, а теперь немного перекусил и был не прочь передохнуть, с тем чтобы часика через два с новыми силами пуститься в дорогу.

Однако Торрес никогда не укладывался сразу, без приготовлений: пропускал глоток-другой чего-нибудь покрепче, а потом выкуривал трубочку. Водка возбуждает мозг, а табачный дым навеивает туманные грезы. Во всяком случае, так считал Торрес.

Бродяга поднес к губам флягу из выдолбленной тыквы с напитком, известным в Перу под названием «чика», а в верховьях Амазонки чаще именуемый «кайсума». Его готовят из сока сладкой маниоки¹, которому дают перебродить. Наш лесной стражник, человек с луженой глоткой, считал необходимым добавлять к чике еще и изрядную дозу тафии².

Сделав несколько глотков, он встряхнул флягу и с огорчением убедился, что та почти пуста. Затем, достав короткую трубку, сделанную из древесного корня, набил ее крепким бразильским табаком старинного сорта «петен».

Табак Торреса не имел ничего общего с современным первосортным «скаферлати», но будучи непривередлив в вопросе курева, как и во многих других, достал огниво, высек огня, разжег немно-

¹ Маниока (*исп.* *maníoca*) — род тропических растений семейства молочайных; из содержащих крахмал клубневидных корней маниоки съедобной получают ценные пищевые продукты.

² Тафия — водка, приготовленная из сахарного тростника.

го липкого вещества, известного под названием «муравьиного трута», и раскурил трубку.

После десятой затяжки глаза его закрылись, трубка выскользнула из рук, и он уснул или, вернее, впал в забытие, которое нельзя назвать настоящим сном.

Глава II ВОР И ОБВОРОВАННЫЙ

Торрес проспал около получаса, когда под деревьями послышалось легкое шуршание. Казалось, кто-то шел босиком, стараясь ступать осторожно, чтоб его не услышали. Если бы бродяга не спал, он бы сразу насторожился, так как старался избегать нежелательных встреч. Еле слышный шорох затих возле дерева, под которым лежал Торрес.

В лесах Верхней Амазонки водится множество цепкохвостых обезьян: легкие и изящные сахиусы, рогатые сапажу, моносы с серой шерстью, сагуины, с такими уморительными рожами, что порой кажется, будто они в масках. Но из всех обезьян самые своеобразные, бесспорно, гуарибы. У них общительный и совсем не злобный нрав, не то что у свирепых мукур; к тому же в них силен общественный инстинкт. Стая гуарибов дает о себе знать еще издали монотонным гулом голосов — ни дать ни взять церковный хор, поющий псалмы.

Гуариба, называемая в Бразилии также «барбадо», довольно крупное животное. Несмотря на незлобивость ее характера, встреча с такой обе-

зьяной все-таки небезопасна. Ее гибкое и сильное тело свидетельствует о том, что она может сражаться на земле не хуже, чем прыгать по ветвям лесных исполинов.

Гуариба — а это была она — приближалась к спящему мелкими шажками, озираясь по сторонам и беспокойно помахивая хвостом. В могучих руках она держала толстый сук. Должно быть, заметив лежащего под деревом человека, обезьяна захотела рассмотреть его поближе. Она подошла и с некоторой опаской остановилась в трех шагах.

Бородатое лицо обезьяны исказилось гримасой, обнажились острые, белые, как слоновая кость, зубы, угрожающе поднялся сук. Вид спящего человека явно не вызывал у гуарибы симпатии. Были ли у нее особые причины питать враждебные чувства к представителям рода человеческого? Весьма возможно. Известно, что животные долго не забывают причиненных им обид, и, быть может, эта обезьяна затаила злобу против братьев старших.

Для местных жителей, особенно для индейцев, обезьяны любой породы — лакомая добыча. Охотники преследуют их с особым рвением, и не только из любви к охоте, но и ради мяса.

Как бы то ни было, если гуариба и не думала сожрать лесного стражника, помня, что природа создала ее животным травоядным, то все же она, видимо, твердо решила посчитаться с одним из своих исконных врагов.

Некоторое время обезьяна пристально разглядывала человека, а потом тихонько двинулась

вокруг дерева. Медленно и осторожно приближалась она к спящему. Ее свирепая морда не сулила ничего хорошего. Гуариба остановилась у самого ствола и занесла сук над головой спящего...

Луч солнца, проникнув сквозь ветви, скользнул по металлической коробке, лежавшей под выступавшими корнями, ее гладко отшлифованная поверхность блеснула, как зеркало. Обезьяна тотчас отвлеклась. Нагнулась, схватила коробку, попятилась и, поднеся ее к глазам, принялась вертеть в руках, с удивлением разглядывая блестящий предмет. Быть может, еще больше ее удивил звон монет. Как видно, ее пленила эта музыка. Точь-в-точь погремушка в руках у ребенка! Потом она сунула находку в рот, и зубы ее заскрежетали по металлу.

Должно быть, гуариба подумала, что нашла какой-то неведомый плод, вроде громадного миндаля, у которого ядро болтается в скорлупе. Вскоре она поняла свою ошибку, вытащила коробку изо рта и крепко зажала в левой руке, выпустив сук. Падая, дубина обломила сухую ветку.

Торрес в ту же секунду вскочил на ноги.

— Гуариба! — вскричал он.

Схватив лежавшую возле него манжетту, бразилец принял оборонительное положение. Испуганная обезьяна тотчас попятилась, сделала два-три быстрых прыжка и скользнула в чашу.

— Вот что называется проснуться вовремя! — воскликнул Торрес. — Эта образина прикончила бы меня в два счета!

Обезьяна, остановившись шагах в двадцати, будто насмехаясь, отчаянно гримасничала. И тут

Торрес увидел у нее в руках свою драгоценную коробку.

— Мерзавка! Убить не убила, а выкинула штуку почище — обокрала! — закричал он. И бросился вслед за проказницей.

Торрес прекрасно понимал, что догнать проворного зверя будет непросто: и поверху и понизу обезьяна бегала быстрее, чем он. Только меткая пуля могла настигнуть ее на земле или на ветке дерева, но где ее взять?

Торрес понял, что взять обезьяну можно только обманом. Надо перехитрить умное животное: скрывшись в густой чаще, разжечь его любопытство и заставить вернуться назад — ничего другого не придумаешь.

Торрес проделал все маневры, но безрезультатно: когда человек прятался, хитрый зверь, никуда не двигаясь, терпеливо дожидался его появления. Бродяга выбился из сил, но так ничего и не добился.

— Подлая воровка! — воскликнул Торрес. — Этак, чего доброго, заведет меня обратно к бразильской границе. Если б только заставить ее бросить коробку! Ей, видишь ли, нравится звон золотых монет! У, мерзавка!

И стражник вновь пустился в погоню.

Целый час он гонялся за гуарибой. В конце концов им овладело бешенство, ругаясь последними словами, он извергал на голову воровки потоки угроз и проклятий. Обезьяна отвечала умоительными гримасами. Торрес снова бросался за ней, задыхаясь, путаясь в высокой траве, продира-